

В.И. Орлов

Неформальная экономика и реформирующиеся общества

Термин «неформальная экономика» стал использоваться в 70-е годы XX века для обозначения экономической деятельности, которая имеет место за пределами занятости в крупных корпорациях общественного и частных секторов экономики. Английский социолог, первооткрыватель неформального сектора экономики в странах третьего мира Кейт Харт [1] отмечает, что этот термин возник в ответ на быстрое увеличение самозанятости и временной занятости в городах третьего мира, но позднее стал использоваться и по отношению к развитым обществам, где он применяется наряду с другими выражениями – «скрытая», «подпольная», «черная» и т.д. Формальная экономика, по Харту, является регулярной, упорядоченной и управляемой. Напротив, к неформальной экономике он относит все нестабильное, неправильное, непредсказуемое. Дуализм «формального – неформального» может проявляться в трех аспектах. Во-первых, неформальность может быть изменением содержания формы: так, уличные продавцы папирос невидимо завершают цепь, связывающую крупные зарубежные фирмы с потребителями; во-вторых, она может быть отрицанием формальных институтов, как это происходит при уклонении от налогов или при торговле наркотиками. Наконец, она может быть остатком чего-то формального либо чем-то более или менее независимым от него: так, жизнь крестьян в странах третьего мира часто настолько оторвана от городской, контролируемой государством, экономики, что их взаимодействие кажется просто невозможным [2].

Подлинный переворот в представлениях о роли и значении теневой экономики в современном рыночном хозяйстве произвела опубликованная в 1989 г. книга перуанского экономиста Эрнандо де Сото «Иной путь» [3]. Главное научное достижение Э. де Сото состоит в принципиально новом подходе к объяснению генезиса теневой экономики. Если ранее неформальный сектор считали маргинальным порождением отсталости и асоциальности, то де Сото подчеркнул революционно-прогрессивный потенциал неформальной экономики. После его исследований большую популярность приобретает точка зрения, согласно которой при определенных условиях неформальная деятельность становится с экономической точки зрения весьма полезной для общества, а неформальный сектор признается необходимой компонентой развивающейся рыночной экономики, новым и эффективным путем к капиталистическому развитию. Неформальная деятельность, согласно новому подходу, интерпретируется не как проявление дуализма и маргинализации, а как предпринимательство, которое пробивает себе дорогу в трудных условиях канцелярской зарегулированности. Ранее считалось, что легальный сектор является носителем современной экономической культуры, а теневой сектор – уродливым пережитком традиционной экономики. Перуанский экономист показал, что легальная экономика развивающихся стран опутана меркантилистскими узами, в то время как именно теневики устанавливают истинно демо-

кратический экономический порядок, организуя свое частное хозяйство на принципах свободной конкуренции.

Для того, чтобы выяснить причины широкого распространения в Перу неформальной экономики, руководимый Э. де Сото Институт свободы и демократии провел ряд экономических экспериментов для выяснения тех затрат, которые вынуждены нести предприниматели, желающие заняться обычным легальным бизнесом. В результате исследований выяснилось, что существующая в стране система полностью отсекает от участия в бизнесе людей с невысокими доходами, но зато дает обширный простор для коррупции. «Наше исследование показывает, – пишет Э. де Сото, – что готовность перуанцев действовать вне рамок закона в значительной степени есть результат рациональной... оценки издержек законопослушания» [3, с. 178]. Таким образом, делает вывод перуанский ученый, основной причиной теневой экономики следует считать нерациональный правовой режим, при котором «процветание компании в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей – от издержек, налагаемых на нее законом. Предприниматель, который лучше манипулирует этими издержками или связями с чиновниками, оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством» [3, с. 189].

Отмеченные закономерности функционирования теневой экономики существуют и на постсоветском пространстве, более того ее элементы были и в СССР. В советское время теневая экономика состояла из трех частей. Первая часть – «легкая», то есть хозяйственная деятельность, не контролировавшаяся властями, прямо не связанная с нарушением законов, но балансирующая на его грани, или же активность в сферах, которые закон не регламентировал вообще. Вторая часть – «средняя» – представляла собой нарушение советских законов, но легитимная в странах с рыночной экономикой. Третья часть – «тяжелая», связанная с прямым нарушением законов, как советских, так и принятых в странах с рыночной экономикой. К «легкой» теневой экономике относились, например, несанкционированная дополнительная занятость (люди, числящиеся на работе, но реально не работающие, большую часть зарплаты которых получали и распределяли руководители) или деятельность «толкачей» – работников, выбивающих для своего предприятия дополнительные ресурсы; к «средней» – частное предпринимательство, валютные операции, бартерные сделки, оказание за плату услуг в частном порядке; к «тяжелой» – торговля наркотиками, воровство, коррупция, мошенничество, рэкет [4]. Практически все директора предприятий и большая часть линейных руководителей регулярно осуществляли деятельность в рамках «легкой» и «средней» теневой экономики. В работе руководителей таких отраслей, как агропромышленный комплекс, строительство, нефтехимия, торговля, легкая и пищевая промышленность, жилищно-коммунальное хозяйство была постоянная теневая составляющая. Л. Косалс отмечает, что в 70-е – начале 80-х годов теневая деятельность стала элементом социально-экономической системы, превратилась в экономический институт советского общества [4, с. 62].

Как экономический институт, теневая экономика обладала социальной структурой, в ее рамках люди имели определенный социальный статус и играли конкретные социальные роли. Все знали, что такие роли существуют, что они необходимы и без них производство нормально функционировать не может. В результате сформировалась экономика, параллельная легальной, без которой последняя уже не могла работать. В официальной экономике теневая выполняла две важные функции. Первая – экономическая – заключалась в компенсации недостатков работы официальной советской. Вторая –

социальная – заключалась в обеспечении социальной ниши для предприимчивых людей, которые не смогли найти себя в официальных структурах и стремившихся самореализоваться, владеть собственностью, получать за свой труд адекватное вознаграждение. Теневая экономика представляла определенную отдушину для самой предприимчивой части советского общества и пусть в уродливой форме, но выполняла функцию ее самореализации. Так как теневая экономика была сформировавшимся экономическим институтом советского общества, она не могла в одночасье исчезнуть даже при самых благоприятных условиях.

После развала СССР масштаб развития теневой экономики в России стал таким, что в ней возник «теневой капитализм». Одними из его важнейших черт Л. Косалс считает институализацию теневой экономики, превращение ее в устойчивый элемент экономической системы, тесное переплетение с легальной хозяйственной деятельностью, а также огромные объемы [4, с. 59]. Существовало мнение, что по мере продвижения страны к капитализму масштабы теневой экономики будут сокращаться, а легальной – возрастать. В действительности произошло все наоборот. По данным Российского МВД в 1990–1991 гг. в теневой экономике производилось 10–11% ВВП. В 1993 г. эта доля составила 27%, в 1994 г. – 39%, в 1995 г. – 45%, в 1996 г. – 46% [4, с. 59]. По тем же данным, с теневой экономикой так или иначе связаны примерно 58–60 млн. человек, причем ее размеры в России, да и в других странах СНГ, велики и продолжают расти. Согласно исследованию «Рост теневой экономики во всем мире», проведенному Ф. Шнайдером и Д. Энсте, нелегальный сектор есть практически в любой стране. Речь идет о вполне законной деятельности – просто ее скрывают от государства, чтобы не платить налоги. В бывшем СССР, согласно данному исследованию, объемы неформальной экономики в процентах от ВВП составляют: Азербайджан – 59,3; Беларусь – 19,1; Эстония – 18,5; Грузия – 63,0; Казахстан – 34,2; Латвия – 34,8; Литва – 25,2; Молдова – 37,7; Россия – 41,0; Украина – 47,3; Узбекистан – 8,0. В бывшем соцлагере по объему неформальной экономики лидируют Болгария – 32,7%, Хорватия – 28,5% и Венгрия – 28,4%, замыкают список Словакия – 10,2% и Польша – 13,2% [2].

Что же обуславливает такое положение дел? Главной причиной роста теневой экономики в реформирующихся обществах многие исследователи называют «незавершенную либерализацию» [5]. Из всего набора «экономических свобод» одни были введены, другие – нет, одно делать было можно, а другое – нельзя. В тех сферах, где свободу формально разрешили, отсутствовали ее гарантии, защита со стороны государства, преобразования были проведены так, что сформировали у населения и деловых людей «комплекс гиперприватности» – боязнь привлечь к себе, своей деятельности и своей организации внимание государства и должностных лиц даже тогда, когда никаких нарушений правил и законов не было. Люди перестали доверять власти, у них возникло стремление полностью исключить какие-либо контакты с государством и чиновниками [4, с. 64].

Отметим, что теневые отношения существуют не только в сфере экономики. За последнее время область теневых отношений заметно расширилась на всем постсоветском пространстве. По мнению Р.В. Рывкиной, сегодня теневое поведение наблюдается не только в экономике, но и в политике, в сфере правопорядка, в армии, в СМИ, в сферах образования, здравоохранения, культуры и науки, в международных и межрегиональных отношениях. «Не будет преувеличением считать, – отмечает Р.В. Рывкина, – что теневые про-

цессы наблюдаются во всех «порах» общества, причем как на макро-, так и на микроуровне» [6]. Круг включенных в теневое поведение сегодня стал заметно шире, чем в начале 1990-х гг. В него входят не только субъекты экономики (бизнесмены, предприниматели, директора государственных предприятий и др.), но и политики, включая чиновников «высшего эшелона», работники силовых структур (от прокуроров и генералов до рядовых милиционеров), ученые, врачи, преподаватели всех видов учебных заведений, спортсмены, работники культуры и т.д. «В современной России, – констатирует Р.В. Рывкина, – теневые процессы захлестнули не только экономику, но и российское общество в целом» [6, с. 3]. Такой ситуации не удалось избежать ни одной стране, ступившей на путь реформирования. В обществе происходит «постепенное расширение масштабов теневых процессов за рамки экономики, то есть «захват» ими все новых и новых сфер жизни страны.

Однако между теневыми процессами в социальной сфере и нелегальной экономикой существуют важные отличия. Первое из них состоит в «широте захвата». Второе существенное отличие заключается в том, что в социальной сфере результатом теневой деятельности являются не сами деньги или какая-то конвертируемая в деньги материально-вещественная продукция, а те или иные изменения в социальных взаимоотношениях участников, социальные эффекты, «Теневые рынки» в неэкономических сферах, или «социальные рынки».

Системный характер «теневизации» выражается в том, что в ее сферу втянуты не отдельные индивиды, а взаимодействующие между собой социальные группы, образующие социальную стратификацию общества. По мере распространения теневых процессов, все большая часть общества, то есть его стратификации, тоже становится теневой. Если какая-либо «группа-инициатор» начинает осуществлять теневое поведение, то это значит, что и «группа-партнер» тоже втягивается в тень. Если врачи госмедучреждений по своей инициативе (т.е. теневым путем) начали брать с больных деньги, то это значит, что и обращающиеся к этим врачам больные тоже начали лечиться таким способом. А точнее, потребности больных в более качественном лечении «втянули» врачей в теневую деятельность [6, с. 9]. То же самое происходит и в предпринимательстве. Предприниматели как «группа-партнер» бюрократии, чиновников втягиваются в теневые процессы, а их потребность в более качественной институциональной среде втягивает в теневую деятельность чиновников.

Главной причиной развития теневого бизнеса является отсутствие необходимой институциональной среды для легального предпринимательства. Весь мировой опыт показывает, что наряду с благоприятной психологической обстановкой в обществе для формирования эффективного частного предпринимательства необходимы нормально работающие социальные и экономические институты. Главными социальными институтами любого общества являются: семья и брак, политическая система (суды, прокуратура, органы правопорядка и др.), СМИ, институты науки и культуры, образования и медицины, церковь и другие. Их роль по отношению к экономике состоит в том, что они способствуют или мешают созданию условий для его развития. Совокупность социальных институтов образует гражданское общество, которое необходимо для развития официальной экономики. На формирование такого общества уходят века. Рыночные реформы начала 1990-х годов регулировались не столько рыночными (капиталистическими) социальными и экономическими институтами, сколько совсем другими, некапиталистическими рычагами. В их числе были групповые интересы партийно-советской номенклатуры.

Конечно, теневая экономика – это в первую очередь экономический, а не правовой феномен, отражающий негативные экономические процессы в обществе. Однако оппозиция теневая – нетеневая экономика во многом определяется соотношением в экономической деятельности формальных и неформальных правил.

Формальные правила закрепляются в юридических актах, обязательных для исполнения. Они открыты и прозрачны. Неформальные правила почти всегда скрыты от посторонних глаз, «привязаны» к конкретным группам или сегментам рынка, в которых формируются свои локальные порядки, понятные для этих групп и объединяющие данные рыночные сегменты. И если посторонние претендуют на ресурсы и доходы без знания неформальных правил, то с ними откажутся сотрудничать или примут по отношению к ним дискриминационное решение. Причем декларируемая причина отказа или дискриминации, скорее всего, будет формальной, бюрократической; основания для этого всегда найдутся: скажем, неверное оформление документов, несоответствие профиля деятельности и т.п. Неявные (имплицитные) контракты формально не фиксируются, а часто и не обсуждаются буквально. Дело ограничивается намеками и малосодержательными отсылками типа «договоримся» или «не подведем». Такого рода соглашения предполагают не только определенное доверие к контрагентам, но и уверенность в том, что они знают данные неформальные правила и готовы их соблюдать. На основе формальных и неформальных правил складываются соответствующие практики повседневного действия.

Российский экономист В.В. Радаев выделяет три важные функции, которые выполняют формальные практики по отношению к неформальным. Во-первых, они выступают в качестве ограничителей, сдерживающих неформальные практики. Во-вторых, они постоянно используются как инструмент для стимулирования образования новых неформальных практик. В-третьих, они формируют язык публичных обоснований и риторических высказываний, которые камуфлируют неформальные практики [7]. Неформальные правила заполняют пустоты, обойденные формальными. Нобелевский лауреат по экономике 1993 года Дуглас Норт писал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писанным законам и правилам собственности, однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписанными кодексами, нормами и условностями» [7, с. 62].

Одной из характерных черт институциональной среды в посткоммунистических странах является недостаток формальных правил в экономике, то есть в некоторых сферах существует своего рода «институциональный вакуум». Однако наиболее острой проблемой сегодня является не избыток или дефицит формальных правил, а их структура, а также способ проникновения и утверждения в экономике. Дело вовсе не в том, что формальные правила отсутствуют или, наоборот, все слишком зарегулировано. Главный вопрос заключается в том, каковы наиболее распространенные способы связи формальных и неформальных правил. Так, например, в странах СНГ широкое распространение получила так называемая «деформализация правил».

Деформализация правил является одной из основных черт посткоммунистических экономик. Ее сущность заключается в непрерывной трансформации институтов, в ходе которой формальные правила в значительной мере заменяются неформальными и встраиваются в неформальные отношения.

При отсутствии возможностей легального оспаривания формальных правил и способов их применения начинаются их систематические нарушения. На активный инновационный поиск обходных путей бросаются лучшие интеллектуальные силы. Деформализация правил приводит к серьезным сдвигам в структуре трансакционных издержек. Хозяйственные агенты, имеющие возможность выбирать между издержками легализации (платой за подчинение закону) и издержками неформальности (платой за обход правил), часто делают выбор в пользу последних [7, с. 66].

Характерной чертой развития экономических процессов в реформирующихся обществах является сближение теневого и легального бизнеса. Они настолько переплетены между собой, что их почти невозможно отличить друг от друга. Эта «неразличимость» проявляется и в функциональной сфере. В России параллельно легальной возникла сопоставимая с ней по масштабам теневая экономика, в которой формируется примерно такой же набор механизмов, что и в официальной хозяйственной системе. В ней действуют свои правила ценообразования, способы обеспечения, соблюдения контрактов. Имеется специфический набор профессий с особым кодексом поведения, работают собственные механизмы инвестирования. Эти теневые механизмы изменили жизнь миллионов людей, создали особые условия работы предприятий [4, с. 80].

В заключение ответим на вопрос: что же дает населению теневая экономика? Главное – она позволяет его части лучше перенести так называемый «переходный период». На данную особенность обращает внимание российский социолог В. Бойков: «Теневой сектор позволяет выжить населению. Доходы крайне низки. А теневая экономика как раз предлагает дешевые товары и услуги. Кроме того, здесь есть и широкие возможности для заработка. «Убей» этот сектор – и жизнь населения станет невыносимой» [8]. Приблизительно такой же ответ дает и Э. де Сото. Его книга имеет важное значение для понимания процессов, происходящих в современных посткоммунистических странах. Во многом наши экономические проблемы сходны с проблемами в Перу. Вот почему идеи Э. де Сото о социальном значении теневой экономики можно применить и к нашим условиям. «Чтобы уйти от насилия и бедности, – считает Э. де Сото, – нужно признать ответственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, – чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности» [3, с. 317]. В Перу в 80-е гг. прошлого века активно действовала леворадикальная террористическая организация «Светлый путь». Противопоставляя «иной» путь теневиков-предпринимателей «светлому» пути террористов, перуанский экономист подчеркивает, что теневой бизнес – более выгодный для граждан и для общества выбор, чем разрушительный политический радикализм.

Безусловно, при определенных условиях теневая экономика способствует не только выживанию населения, но и экономическому росту. Так, при изучении группы российских предприятий, увеличивавших объемы производства, выяснилось, что на предприятиях, где практически нет теневой деятельности, ежемесячный прирост был в 1,5 раза ниже, чем на предприятиях, где такая деятельность была значительна [4, с. 79]. Это говорит об определенной зависимости между расширением производства и масштабами теневой деятельности в нынешних условиях. Такая зависимость сохранится до определенного момента, пока не достигнуты относительное экономическое благополучие и стабильность. Тогда темпы роста снизятся, и теневая активность тоже сократится. Таким образом, можно считать, что в развитии подпольного бизнеса виден не только симптом болезни, но и, в большей степени, показатель экономического выздоровления общества. И какую бы международную терминологию

логию («неофициальная», «неформальная», «скрытая», «нерегистрируемая» и т.п.) мы не использовали для характеристики теневой экономики применительно к странам, находящимся в переходном состоянии, она в целом будет способствовать реформированию их экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Харт К.** Неформальная экономика // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом.
2. **Шнайдер Ф., Энсте Д.** Рост теневой экономики во всем мире // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом. – С. 24.
3. **Сото Э.де** Иной путь. – М., 1995. – С. 121.
4. **Косалс Л.Я.** Теневая экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики, 1998, № 10. – С. 61.
5. **Харт К.** Возможность неформальных доходов и занятость в городах Ганы // Экономическая теория преступлений и наказаний. Реферативный журнал. – М., 2000. – Вып. 2: Неформальный сектор экономики за рубежом.
6. **Рывкина Р.В.** Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования, 2000, № 12. – С. 3.
7. **Радаев В.В.** Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики, 2001, № 6. – С. 62.
8. **Крашаков А.** Теневая экономика «цветет и пахнет» // Аргументы и факты, 2002, № 18–19. – С. 10.

S U M M A R Y

The socio-economic and political reasons for the wide spread of non-official economics on the post-soviet areas are revealed in the article. Different functions of this economics in the reforming societies are analyzed.

Поступила в редакцию 2.06.2004